

Н. И. Пироговъ.

Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души.

„Ищи быть и будь человѣкомъ“ (изъ
рѣчи Пирогова 1 сентября 1857 г.).

Съ чувствомъ полнѣйшаго и высокаго нравственнаго удовле-
творенія останавливаемъ свое вниманіе на свѣтломъ образѣ
Николая Ивановича Пирогова, со дня рожденія коего
13 ноября 1910 года исполнилось столѣтіе. Пироговъ!..
Сколько прекраснаго возбуждается въ душѣ при воспоми-
наніи объ этой умной и высоко гуманной личности, самоотверженно,
энергично и честно служившей словомъ и дѣломъ въ теченіе пол-
вѣка своему отечеству и человѣчеству! Какъ окрыляется человѣкъ
во всѣхъ своихъ лучшихъ чувствахъ, при ознакомленіи и изуче-
ніи семидесятилѣтней жизни этого великаго цѣлителя тѣла и воспи-
тателя души, до глубокой старости сохранившаго ясность ума и
удивительную теплоту сердца, любовь къ жизни, къ молодому по-
колѣнію, вѣру въ силу науки и лучшее будущее своего отечества!
Н. И. былъ во-истину благороднымъ, разумнымъ, искренно любя-
щимъ сыномъ своего славнаго отечества. Его имя принадлежитъ
къ числу тѣхъ незабвенныхъ и достойныхъ высокаго уваженія
именъ нашихъ соотечественниковъ, которыми мы гордимся, и кото-
рыя служатъ украшеніемъ не одного только русскаго народа, но и
всего человѣчества. Н. И. Пирогова высоко цѣнили такіе просвѣ-
щенные, разумные и высоко нравственные отечественные дѣятели и

неподкупные современники, каковымъ, напримѣръ, былъ извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій — этотъ, по мѣткому выраженію одного изъ его біографовъ, идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было компромиссами. Вотъ что Ушинскій говорилъ о Пироговѣ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: „Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодая поколѣнія. Пусть наша молодость смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“. 24 мая 1881 года, въ Москвѣ, въ актовомъ залѣ университета, происходило торжественное чествованіе пятидесятилѣтней службы Н. И., засвидѣтельствовавшее во-очію о томъ рѣдкомъ уваженіи къ заслугамъ Пирогова, какимъ онъ пользовался не только среди своихъ соотечественниковъ, но и за границею. Юбилейныя привѣтствія получены были со всѣхъ сторонъ. Кромѣ телеграммы Государя на имя юбиляра, всѣ русскіе университеты, не исключая и Гельсингфорскаго, всѣ научныя учрежденія Россіи и высшіе правительственные органы, всѣ больницы, клиники и иныя лѣчебныя заведенія, всѣ медицинскія и врачебныя общества, равно какъ и другія ученныя общества—всѣ эти институціи прислали или своихъ представителей, или же привѣтственные телеграммы. Заграничныя университеты и ученныя общества также поздравили русскаго ученаго, а именно: университеты Мюнхенскій, Страсбургскій, Падуанскій и Эдинбургскій, медицинскіе факультеты Парижа и Праги и Германское хирургическое общество. Представители прессы поднесли особый адресъ, въ которомъ привѣтствовали, въ лицѣ Пирогова, „не только знаменитаго ученаго, но и честнаго публициста и общественнаго дѣятеля“. Среди этой массы привѣтствій было даже привѣтствіе отъ русскихъ евреевъ и закавказскаго муфтія. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу дипломъ почетнаго гражданства,—и это признаніе почетнымъ гражданиномъ своей родины Н. И. счелъ высшею честью, какая только можетъ быть оказана человѣку.

Достойному воздано должное! „Пироговъ, — говорилъ въ своемъ юбилейномъ привѣтствіи одинъ изъ профессоровъ — не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ блестяще развилъ его, и если Россія не извлекла изъ его полувѣковой дѣятельности всей пользы, которую онъ могъ принести ей своимъ значеніемъ и способностями, то, сколько извѣстно, едва-ли самъ Пироговъ виноватъ въ этомъ“... Но и при тѣхъ условіяхъ дѣятельности, въ которыя Пироговъ, силою независимыхъ отъ него обстоятельствъ, былъ поставленъ,

принесенная его знаніями и способностями польза наукъ, обществу и отечеству дѣйствительно велика. Онъ былъ прежде всего чело-вѣкъ живого труда и честнаго дѣла. Эти качества его дѣятельности ярко обрисовываются во всей его жизни. Главнѣйшіе факты ученой, административной и общественной его дѣятельности сводятся при краткомъ ихъ перечнѣ, насколько позволяетъ размѣръ настоящей статьи, къ слѣдующимъ даннымъ:

Въ 1833 году, послѣ предварительнаго окончанія медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ и какъ весьма основательно подготовленный, затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ по анатоміи и хирургіи, Н. И. командированъ былъ отъ правительства за границу и здѣсь работалъ въ Берлинѣ у знаменитыхъ германскихъ хирурговъ этого города.

По возвращеніи въ Россію, въ 1836 году онъ избранъ былъ профессоромъ хирургіи Дерптскаго университета и вскорѣ сдѣлался здѣсь однимъ изъ любимыхъ профессоровъ. Живя въ Дерптѣ, Н. И. предпринималъ ежегодно хирургическія экскурсіи въ разные города Прибалтійскаго края, привлекавшія всегда громадное число больныхъ, тѣмъ болѣе, что, по инициативѣ мѣстныхъ врачей, пасторы въ деревняхъ объявляли всенародно о прибытіи дерптскаго хирурга. Въ началѣ 1841 года Пироговъ былъ переведенъ профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, съ порученіемъ ему же завѣдыванія всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Во время его пребыванія въ названной академіи, хирургическая клиника, благодаря необычному дару преподаванія и несравненной техники Пирогова въ производствѣ операцій, сдѣлалась высшею школою русскаго хирургическаго образованія. Точно также высоко поставлено было имъ преподаваніе и анатоміи, чему много способствовало устройство, по его инициативѣ, особаго анатомическаго института. Во время своего 14-ти лѣтняго профессорства въ С.-Петербургѣ Н. И. произвелъ около 12.000 вскрытій съ подробными протоколами о каждомъ изъ нихъ. Въ 1847 году онъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ для ознакомленія съ устройствомъ госпиталей и для распространенія среди военныхъ врачей новѣйшихъ усовершенствованій въ практикѣ хирургическихъ операцій, каковую задачу и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, принеся въ то же время весьма цѣнную помощь массѣ больныхъ воиновъ, нуждавшихся въ хирургическихъ операціяхъ. Въ 1848 году Пироговъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, отдался изученію холеры, результатомъ коего было изданіе имъ сочиненія,

„Патологическая анатомія азіатской холеры“. Въ 1854 году, онъ, по желанію Государыни Императрицы и великой княгини Елены Павловны, отправился въ Крымъ для завѣдыванія занятіями Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а также для сформирования особой корпораціи врачей-хирурговъ. Во время этой командировки Н. И. воочию увидѣлъ все нравственное разложеніе русскаго общества—тѣ наши общественные недуги, которые, послуживъ главною причиною неблагопріятнаго исхода крымской войны, осязательно, такъ сказать, засвидѣтельствовали необходимость нравственнаго и умственнаго самоочищенія русскаго общества посредствомъ улучшенія воспитанія подрастающихъ поколѣній и измѣненія социальныхъ условій жизни. И вотъ, возвратясь въ 1856 г. въ С.-Петербургъ, онъ рѣшается со всей безпощадной правдивостью высказаться по одному изъ кардинальныхъ „вопросовъ жизни“—о воспитаніи. Въ этомъ году въ № 9 „Морского Сборника“ была напечатана его знаменитая статья: „Вопросы жизни“, горькая для общественнаго сознанія, но либеральная по затронутымъ въ ней вопросамъ и побудившая и правительство и общество обратить особенное вниманіе на воспитательное дѣло...

Взгляды, высказанные въ этой статьѣ, понравились тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову. По предложенію послѣдняго, Н. И., желавшій оставить службу въ медико-хирургической академіи по разстроенному здоровью, принялъ назначеніе на должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, каковое и состоялось 3 сентября 1856 года. На этомъ посту въ Одессѣ Пироговъ оставался не долго. Однимъ изъ болѣе памятныхъ дѣлъ его въ названномъ округѣ былъ проектъ преобразованія Одесскаго лицея въ Новороссійскій университетъ, осуществившійся, впрочемъ, только впоследствии—въ 1865 году, и организація литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, главнѣйшею цѣлью каковыхъ бесѣдъ было приученіе гимназистовъ старшихъ классовъ исподволь къ самостоятельному научному труду, безъ котораго, по мнѣнію Пирогова, ученіе въ университетѣ бесплодно. 18 іюля 1858 года Н. И. былъ переведенъ на такую же должность въ Кіевскій учебный округъ, а 13 марта 1861 года онъ оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія и поселился въ своемъ имѣніи Вишня, Подольской губерніи.

Въ 1862 году, по желанію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина, Пироговъ командированъ былъ за границу для руководства учеными занятіями молодыхъ людей, посланныхъ туда изъ русскихъ университетовъ для подготовленія къ занятію профессорскихъ кафедръ. Изъ этой командировки Н. И. вернулся въ

Росію въ 1866 г. и время до 1870 г. провелъ опять въ своей деревнѣ. Во время франко - прусской войны 1870 г. и русско - турецкой 1877—1878 г., по приглашенію главнаго управленія Общества Краснаго Креста, онъ, помимо общихъ совѣтовъ по военно-санитарной части, посѣтилъ самые театры этихъ войнъ и здѣсь своими научно-практическими указаніями и непосредственною медицинскою помощью оказалъ страждущему человѣку неоцѣнимыя услуги. Таковы главнѣйшіе факты ученой и служебно-общественной дѣятельности Пирогова!

Въ періодъ этой полувѣковой многосторонней дѣятельности мы видимъ его, какъ ученаго, какъ профессора и клинициста-хирурга, какъ военно-полевого хирурга и администратора и, наконецъ, какъ педагога, занимавшаго высокій постъ попечителя двухъ учебныхъ округовъ и позднѣе руководившаго занятіями молодыхъ ученыхъ за границею. „Вездѣ и всегда, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, онъ неизмѣнно проявлялъ любовь къ дѣлу и знаніе дѣла; въ каждое дѣло онъ влагалъ всю свою громадную энергію, всю свою великую душу. Неудивительно поэтому, что онъ всюду вносилъ что-либо новое, оригинальное и оставлялъ неизгладимый слѣдъ своей широкой дѣятельности. Это новое касалось не какихъ-либо мелочей, а захватывало самую существенную сторону дѣла, потому что Пироговъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ, всесторонне обсуждалъ каждый вопросъ съ тонкимъ анализомъ ученаго, стараясь уяснить его въ полномъ объемѣ“. Пироговъ „былъ анатомъ, хирургъ,—говоритъ другой его біографъ,—учился надъ трупами, но въ то же время онъ былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеаль создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ, сдѣлалъ отъ

поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитать себя, но перевоспитаніе такъ трудно, что лучше начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. „Я испыталъ — говоритъ Пироговъ, — эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ“.

Этотъ-то страхъ за дѣтей и побудилъ Пирогова написать и затѣмъ напечатать вышеупомянутую знаменитую педагогическую статью „Вопросы жизни“, которую цензура пропустила только потому, что она напечатана была именно въ „Морскомъ Сборникѣ“ и съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича. Въ ней авторъ, много поработавшій надъ собою и вздумавшій раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни, высказалъ сжато, даже отрывочно, но смѣло, все, что онъ передумалъ и почувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала Россію несчастная для насъ Крымская война. Статья эта произвела необычайный эффектъ: она охватила какимъ-то лихорадочнымъ восторгомъ рѣшительно все русское общество. О ней шумно заговорили всюду: въ клубахъ, въ семьяхъ, въ высшемъ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ о воспитаніи сдѣлался злобою дня: въ цѣлой Россіи началось необычайное педагогическое и вообще умственное движеніе послѣ долгаго періода сна и апатіи: возникло нѣсколько серьезныхъ педагогическихъ журналовъ, начали учреждаться разныя школы: воскресныя и иныя бесплатныя школы, завелись педагогическія собранія, основался въ С.-Петербургѣ комитетъ грамотности; правительство обратило на школьную реформу серьезное и дѣятельное вниманіе.

Что же высказывалось въ этихъ „Вопросахъ жизни“ такого, что такъ расшевелило общество, заставивъ его безпристрастно оглянуться на себя самого?

„Общественный хирургъ“, по счастливому выраженію одного нашего педагога, нашелъ, что и теперь все осталось „яко же бо бысть во дни Ноевы“. Въ древности, по крайней мѣрѣ, люди были послѣдовательны и жили такъ, а не иначе, по извѣстнымъ убѣжденіямъ, которыя могли быть ложны, ошибочны, но все-таки это были

убѣжденія, основанныя на ученіяхъ различныхъ философскихъ школъ. Въ XIX-же вѣкѣ, вступивъ въ жизнь, задавшись „столбовыми вопросами“, мы оказались вполне несостоятельными предъ ними, потому что мы не воспитаны. Правда, масса живетъ по инерціи, слѣдуя толчку, данному обществомъ въ направленіи, принятомъ обществомъ; но есть еще жизнь индивидуальная, жизнь „въ себѣ“, стоящая въ разладѣ съ направленіемъ общества. Такимъ образомъ фактически существуетъ два жизненныхъ пути: приспособляться къ обществу или бороться съ нимъ. Дилемма эта практически разрѣшается различно.

Дѣло въ томъ, что все общество, по убѣженію Пирогова, представляетъ одну огромную инертную толпу и нѣсколько меньшихъ, придерживающихся самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на жизнь. Такихъ взглядовъ авторъ насчитываетъ восемь.

Одни совѣтуютъ не думать много, потому что, думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ. Взглядъ, какъ видите, простой и привлекательный. Болѣе высокій взглядъ—это совѣтъ много читать и учиться, вообще поумнѣть, а умъ уже подскажетъ, куда идти. Далѣе слѣдуетъ взглядъ религіозный или старообрядческій, по выраженію Пирогова, рекомендующій строгое соблюденіе постовъ и молитвы и чтеніе благочестивыхъ книгъ, не вникая въ ихъ смыслъ. По взгляду иныхъ людей-практиковъ можно жить и безъ убѣжденій, лишь бы имѣть полный карманъ. Такой же практическій умъ проглядываетъ и во взглядѣ, что слѣдуетъ уживаться съ людьми и соблюдать установленную внѣшнюю приличность, думать можно, что хочешь—*Gedanken sind zollfrei* (каждый воленъ думать, что хочетъ). Существуетъ и пессимистическій—печальный, по выраженію Пирогова, взглядъ, отрицающій смыслъ жизни—не зная, откуда взялся, человекъ умретъ, не зная, зачѣмъ жилъ. Противоположный этому оптимистическій—веселый взглядъ совѣтуетъ пользоваться настоящимъ, не задумываясь надъ будущимъ. Къ числу практическихъ взглядовъ на жизнь относится также взглядъ „благоразумный“, рекомендующій выбрать себѣ наиболее выгодную и подходящую роль въ практической жизни, не задаваясь при этомъ никакими теоретическими стремленіями.

Къ тому или другому изъ этихъ взглядовъ, обыкновенно, и примыкаютъ вступающіе въ жизнь и на этомъ успокоиваются, утрачивая съ лѣтами „всякую склонность перемѣнить или перевоспитать себя“. Но если бы такъ всегда и оканчивалось, то общество оставалось бы, какъ уже сказано, вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Всѣ бы спокойно забыли то, чему учило воспитаніе: „воспитаніе сдѣлалось бы продажнымъ

билетомъ для входа въ театръ“. Однако люди, родившіеся съ „притязаніями на умъ и чувство“, не могутъ оставить „безъ сожалѣнія и роцота высокое и святое“. Они слишкомъ совѣстливы, разборчивы въ путяхъ, и потому стремятся проложить новые пути. Многіе не выдерживаютъ этой внутренней борьбы. При всемъ этомъ и руководящіе обществомъ взгляды на жизнь, не отличаясь законностью, допускаютъ всевозможныя дальнѣйшія комбинаціи. Все это не служитъ, конечно, къ единенію общества, поселяя раздоръ между послѣдователями разныхъ взглядовъ, что опасно и въ политическомъ отношеніи. Изъ этого положенія можно выйти тремя путями: 1) Согласить воспитаніе съ торговымъ направленіемъ общества, 2) перемѣнить направленіе общества, 3) приготовить воспитаніемъ къ жизненной борьбѣ, къ этому неравному бою. Первому пути, какъ невѣрному, авторъ не сочувствуетъ. Второй составляетъ вопросъ будущаго. Остается третій путь, т. е. посредствомъ воспитанія приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, вкоренить въ насъ высшія человѣческія убѣжденія или, иначе говоря, сдѣлать насъ людьми. Этотъ путь—одинъ дѣйствительный путь. Между тѣмъ, воспитаніе наше ведется односторонне: оно только дѣлаетъ насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, но не людьми. И дѣйствуютъ люди, какъ попало, увлекаемые теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, потому что не воспитанъ внутренней человѣкъ, не воспитаны въ немъ убѣжденія. „Главная святыня въ человѣкѣ—убѣжденія, говорятъ Пироговъ: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ, какъ съ наставниками, такъ и со сверстниками“.

Протестуя противъ воспитанія нашихъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ школахъ со спеціальнымъ характеромъ, Пироговъ спрашиваетъ: „отвѣчайте мнѣ, положи руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступать на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно изготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ смѣны?.. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей

съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ... Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!“—воскликаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность воспитанія, существовавшего у насъ въ ту пору, когда ему приходилось жить и дѣйствовать. Онъ не хочетъ признать рациональнымъ существованіе раннихъ специальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. „Нѣтъ ни одной потребности—замѣчаетъ онъ—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ... Истинные специалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній специалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ“.

Послѣднія слова изъ устъ Пирогова, какъ одного изъ талантливейшихъ специалистовъ своего времени, весьма многозначительны! Но изъ этихъ словъ, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія, что воспитательнымъ задачамъ общеобразовательной школы Пироговъ поставлялъ идеаломъ приготовленіе человѣка вообще, т. е. оторваннаго отъ почвы; нѣтъ, по его убѣжденію, задачей воспитанія должно быть подготовленіе изъ воспитанника *человѣка-гражданина*, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. „Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности¹⁾“.

Итакъ воспитаніе должно сдѣлать насъ людьми. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Н. И., его цѣль. Указывая на необходимость воспитанія *человѣка-гражданина*, Пироговъ первый у насъ такъ прямо и сочувственно заговорилъ въ той же статьѣ „Вопросы жизни“ о необходимости воспитать женщину, какъ радость человѣческой жизни, сопутницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей самимъ Богомъ. По справедливому мнѣнію Н. И., только одна эмансипація, въ смыслѣ истиннаго, человѣческаго, одинаковаго съ мужчиной, образованія, выведетъ женщину изъ положенія жалкой куклы и рабы, и сдѣлаетъ изъ нея того зодчаго общества, которымъ она должна быть

¹⁾ Изъ рѣчи Н. И. на актѣ Ришельевского лицея 1 сентября 1857 г.

по праву. „Краеугольный камень,—пишетъ Пироговъ въ своей статьѣ,—кладется руками женщины. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ челоѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины; пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи“.

Таково, въ общемъ, главнѣйшее содержаніе бессмертной въ исторіи нашего просвѣщенія статьи Пирогова „Вопросы жизни“, послужившей своевременно, такъ сказать, толчкомъ не только къ педагогическому, но и вообще къ умственному нашему пробужденію послѣ долгаго періода всеобщаго сна и апатіи.

Самъ сохранивъ до глубокой старости „высокое мудрое дѣтство души, т. е. дѣтскую искренность и цѣлостность души, Н. И. убѣжденно, и въ своихъ сочиненіяхъ, и на практикѣ, настаивалъ на признаніи той истины, что основой воспитанія должно быть воспитаніе искренности души въ воспитываемыхъ. Съ особенною глубиною мысли и образною яркостью эта основная истина воспитанія выражена имъ въ статьѣ „Быть и казаться ¹⁾“.

Весьма поучительны для нашего времени, когда перестраивается укладъ нашей общественной и государственной жизни, и нижеслѣдующіе взгляды Пирогова на подчиненныхъ ему, какъ попечителю учебнаго округа, лицъ, на измѣненіе уставовъ, курсовъ и программъ, на учащуюся молодежь, на значеніе въ школьномъ дѣлѣ гласности и общественнаго мнѣнія.

„Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству челоѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ... Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ“...

„Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтить челоѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою. На этомъ уваженіи, которое я заявилъ открыто и

¹⁾ Эта статья перепечатана въ полномъ ея текстѣ въ нашей брошюрѣ: „Николай Ивановичъ Пироговъ. Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души. Его жизнь, государственно-общественная дѣятельность и педагогическіе взгляды. Варшава 1907 г.“.

гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края. Я твердо зналъ, что необдуманые порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти. Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями“.

„Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много рассчитывать на дѣйствіе такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которые одни сами по себѣ хотя и быстро измѣняются, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человеческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква“...

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать.“

„Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать“...

„Какъ можетъ быть критика, хотя бы и официальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе... Почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно и того требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ, будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ или высшею инстанціею, конечно, не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно“.

Обращаясь засимъ къ общей оцѣнкѣ педагогической дѣятельности Пирогова, мы видимъ, что какъ писатель, выяснивъ коренные недостатки нашего школьнаго воспитанія, онъ первый прямо и ясно высказался за настоятельную необходимость радикальнымъ образомъ измѣнить образованіе и воспитаніе мужчины и женщины, съ тѣмъ, чтобы въ основу воспитанія новаго поколѣнія были положены болѣе рациональные педагогическіе принципы, коими обезпечивалась бы и болѣе правильная подготовка его для будущей семейной и общественной жизни.

Разсматривая вопросы о воспитаніи, Пироговъ нашель, что наше общество не развилось на истинныхъ нравственныхъ началахъ, что въ дѣлѣ воспитанія оно ставить человѣка въ двухсмысленное положеніе; оно требуетъ отъ воспитателя борьбы со зломъ, а въ ней онъ остается одинокимъ. Наше общество готовило специалистовъ для извѣстной службы, забывая о высшихъ идеалахъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго круга и не давало ей ничего болѣе. Поэтому у насъ не воспитывались люди съ высокими идеалами, съ сильными характерами. „Сдѣлайте насъ людьми прежде всего,—говорить Пироговъ—и вотъ тогда мы исцѣлимся отъ общественныхъ недуговъ“. Для нравственнаго общественнаго подъема нужно школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать *людей-гражданъ* своей родины, а они, въ свою очередь, создадутъ и гражданское общество, на смѣну развѣдаемаго застарѣлыми болѣзнями свѣтскаго нашего общества. Силы этихъ новыхъ людей должны быть достаточно развиты для того, чтобы они въ состояніи были вынести борьбу за свои идеалы.—Н. И. безусловно отрицаетъ первенство жизни передъ школою и рабскую зависимость школы отъ жизни; напротивъ, по его убѣжденію, все будущее находится въ рукахъ школы, и ей принадлежитъ первенство въ слѣдующемъ: школа въ-время должна начать общее образованіе и тоже въ-время перейти къ образованію спеціальному. Она должна выбрать такіе способы ученія, которые направилы бы образовательную силу каждой отрасли знанія на способность духа, служившую ей началомъ, не забывая, что и въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа. Въ рукахъ толковаго педагога и хорошаго человѣка и древніе и новые языки и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Главное же условіе педагогическаго воздѣйствія—твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква.

Изъ школы мы должны выходить на жизненное поприще съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что мы на самомъ дѣлѣ должны быть, а не казаться только, хорошими людьми. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи школа и жизнь должны составлять одно неразрывное цѣлое.

Однимъ изъ рациональныхъ принциповъ воспитанія Н. И. справедливо считалъ нераздѣльность въ школѣ научнаго образованія отъ нравственнаго, настоятельно проповѣдывая о томъ, что обученіе на всѣхъ его ступеняхъ должно быть воспитывающимъ, т. е., что образованіе и наука должны служить источникомъ не только умственнаго, но и нравственнаго развитія подрастающихъ поколѣній. Далѣе, своими вышеупомянутыми статьями „Вопросы жизни“, „Быть и ка-

заться“ и другими педагогическими статьями, Н. И. вызвалъ живой интересъ къ вопросамъ воспитанія и образованія какъ въ учебномъ мѣрѣ, такъ и въ обществѣ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего, съ теченіемъ времени, было общее улучшеніе въ постановкѣ у насъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Какъ попечитель двухъ учебныхъ округовъ, несмотря на всю кратковременность своего управленія, Пироговъ, — какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — показалъ собственнымъ примѣромъ, какъ много добра можно сдѣлать на этомъ посту, даже среди самыхъ неблагоприятныхъ условій, которыя теперь значительно измѣнились къ лучшему, хотя бы въ смыслѣ большаго умственнаго уровня и педагогическаго персонала и самого общества. Онъ усилилъ и возвысилъ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ; печатаніемъ циркуляровъ и отчетовъ положилъ основаніе ихъ гласности, призвавъ къ тому же и другіе округа; энергически способствовалъ сознанію вреда розги, и въ какой-нибудь годъ вывелъ почти вовсе изъ округа ея употребленіе; развитіе большей гуманности и нравственнаго довѣрія въ обращеніи начальствующихъ и подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ, въ педагогическомъ мѣрѣ, въ значительной степени, — также его дѣло; цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ вопросовъ, начиная отъ школы низшей до университета включительно, была поднята и пущена въ ходъ опять-таки имъ же. Можно сказать, оглядываясь назадъ, что почти вся наша педагогическая дѣятельность, во второй половинѣ минувшаго столѣтія, во всѣхъ лучшихъ ея сторонахъ, своимъ началомъ и направленіемъ обязана тому же Николаю Ивановичу Пирогову и К. Д. Ушинскому, имена которыхъ никогда не забудутся русскою педагогіею, какъ не забудетъ никогда имя перваго и медицина.

Въ заключеніе приведемъ слова, сказанныя одной газетой по поводу юбилея Пирогова въ 1881 году:

„Обществу, среди котораго такъ перепутались понятія о правдѣ, что ее приходится искать, полезно имѣть предъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды. Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея розысканію. Правда съ вѣками, и десятилѣтіями даже, мѣняетъ свой обликъ; но есть одна такая сфера, въ которой правда 1860 годовъ остается такою же и въ 1880-хъ: эта сфера — воспитаніе. Будемъ же стараться, по завѣту юбиляра, дѣлать изъ дѣтей нашихъ прежде всего людей, въ чаяніи, что, если они сдѣлаются хорошими людьми, людьми съ убѣжденіями, то все остальное приложится имъ“.

С. Старосивильскій.

